

Нѣсколько словъ по поводу статьи С. Н. Булгакова.

Тема, затронутая С. Н. Булгаковымъ, очень широка и мало разработана. Предоставляя ему страницы „Полярной Звѣзды“ для изложенія его интересныхъ и глубоко продуманныхъ соображеній, мы считаемъ своимъ долгомъ опредѣлить хотя бы въ самыхъ общихъ очертаніяхъ нашу собственную позицію въ затронутомъ вопросѣ огромной теоретической и практической важности. Уже неоднократно мною и моимъ соредакторомъ С. Л. Франкомъ разъяснялось, что „Полярная Звѣзда“ въ философскомъ отношеніи свободна отъ всякаго догматизма и что ей, въ частности, совершенно чуждо догматическое пониманіе религіи. Конечно, въ извѣстномъ философскомъ смыслѣ вѣрно, что всякая политика и всякая политическая система въ послѣднемъ счетѣ опирается на извѣстныя религіозныя идеи. Ошибка С. Н. Булгакова заключается въ томъ, что онъ, *какъ догматикъ*, религію понимаетъ въ *церковномъ* смыслѣ, въ смыслѣ *объективно упорядоченной системы* вѣрованій и основаннаго на этой системѣ *устройства* вѣрующихъ. Въ отличіе отъ Булгакова мы полагаемъ, что у христианина и у атеиста, у идеалиста и у позитивиста можетъ быть общая политика, имѣющая единый религіозный корень.

Владимиръ Соловьевъ въ этомъ смыслѣ мѣтко указалъ, что свободные мыслители XVIII вѣка въ политикѣ были лучшими христианами, чѣмъ представители церкви въ со-

ответствующую эпоху. Даже и широкія массы народа — вопреки мнѣнію Булгакова — способны очень хорошо отдѣлять элементъ церковный или вѣроисповѣдный отъ той сверхцерковной или внѣвѣроисповѣдной „правды Божьей“, признаніе которой лежитъ въ основѣ такихъ широкихъ политическихъ программъ, какова, напр., программа конституціонно-демократической партіи. Потому-то одну и ту же политическую „правду Божью“ могутъ въ истинно-религіозномъ духѣ и съ истинно религіознымъ пыломъ проповѣдовать и православный священникъ, и магометанскій мулла, и еврейскій раввинъ, и служитель всякой другой религіозной общины. Въ томъ, что идеалисту-церковнику представляется религіозной безпринципностью, на самомъ дѣлѣ можетъ заключаться и часто дѣйствительно заключается высшая — сравнительно со всякой церковностью — религіозность. Съ другой стороны въ идеалистически-церковныхъ разсужденіяхъ Булгакова упускается изъ виду та реальная, жестокая и неприглядная противохристіанская церковность, которая такъ легко и такъ увѣренно укрѣпляется на „религіозныхъ“ позиціяхъ.

С. Н. Булгаковъ впалъ въ ошибку въ двухъ направленіяхъ. Во-первыхъ, онъ упустилъ изъ виду, что связь политики съ церковною или вѣроисповѣдной религіозностью по существу есть всегда двойное злоупотребленіе: политикой — во имя религіи и религіей — во имя политики. Эта связь всегда искусственная и часто недоброкачественная. Во-вторыхъ, С. Н. Булгаковъ забываетъ, что всякая скольконибудь глубокая и искренняя политика, какъ бы она ни была, по видимости, безрелигіозна, — по существу близка къ глубочайшей, внутренней, субъективной религіозности. И обѣ эти ошибки Булгакова вытекаютъ изъ того догматическаго склада его ума, въ силу котораго онъ не можетъ не быть церковникомъ, т. е. объективистомъ въ религіи.

Если прибавить къ этому, что дѣйствительность не столь

прямолинейна, не столь геометрична, какъ того хочется и нужно Булгакову, то нельзя не признать, что стремленія связать политику съ церковной религіозностью могутъ на практикѣ оказаться либо бесплодными, либо крайне опасными. Это ясно и тѣмъ, кто, какъ пишуцій эти строки, глубоко убѣжденъ въ верховномъ значеніи религіозныхъ цѣнностей и въ то же время внутренно терпимо относится даже къ религіозности церковной.

Что же касается той непримиримой борьбы между христіанскимъ и атеистическимъ социализмомъ, которая, по мнѣнію Булгакова по существу неизбежна, то эта борьба дѣйствительно необходима опять таки только съ точки зрѣнія догматической, причемъ совершенно безразлично, что является догмой: атеизмъ или ученіе церкви. Въ истинно же религіозномъ своемъ существѣ всякій истинный социализмъ, основанный на признаніи человѣческой личности высшей цѣнностью, совершенно независимъ отъ какой бы то ни было догмы, будь то догма матеріалистическая или богословская.

Петръ Струве